

Щыбанова Надежда

Благотворительная

афера

Надежда Цыбанова

Благотворительная афера

<https://litres.ru/74001208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миссис Грейстон привыкла получать деньги за то, что другие называют «обманом», а она – «профессиональной деятельностью». Когда Чарльз Хартфорд предлагает ей сделку – расстроить помолвку его племянницы, – она видит в этом лишь очередную партию в шахматы.

Она мастер закулисных игр, не верит в романтические сказки – особенно когда речь идет о будущей свадьбе Флоры и блестящего Хьюго Тонбера. Слишком сладки его речи, слишком безупречны манеры и слишком подозрительна его готовность стать частью богатейшего рода Хартфордов.

В этой игре ставки выше, чем размер приданого, а чувства – непредсказуемее биржевых курсов!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Надежда Цыбанова

Благотворительная афера

ГЛАВА 1

– Добрый вечер, – неожиданно произнес мужской голос.

Вроде бы и обычная вежливость, только вот я никак не ожидала застать гостя на своей кровати. В своей спальне. Да еще и в сапогах.

– Вообще-то ночь, – я с невозмутимым видом сильнее затянула поясок пеньюара и легкой поступью двинулась к секретеру. – И я не ждала гостей.

– Это ищите? – он небрежно качнул моим любимым стилетом, зажатым между двумя пальцами. – Занятная игрушка. Хорошо наточена. Не очень подходит для открывания пи-сем.

– Зато она отлично открывает потаенные мысли человека, – хищно улыбнулась я. – Особенно, если приставить острие к артерии на шее.

– А с виду вы такая приличная дама, – усмехнулся мужчина, – Элизабет Грейстон, владелица «Позолоченной рамы», вдова, возраст скрывает. Характер сдержанный, холодный.

– Вы тоже на первый взгляд кажетесь воспитанным

джентльменом, когда на чужих кроватях в сапогах не лежите, – не осталась в долгу я. – Чарльз Хартфорд, владелец банка, холостяк и очень этим гордится, возраст – тридцать восемь лет. Наглец со связями и капиталом.

– Да, я такой, – не без скромности кивнул Хартфорд. – Продолжим обмен любезностями.

– Предпочту закончить нашу беседу, – я скрестила руки на груди и тут же пожалела об этом. Наглец сразу на нее и уставился.

– А я бы на вашем месте не спешил, – мужчина очаровательно улыбнулся. – Или, может, обращаться к вам Мист? Или Ангел Ист-Энда? Или леди Констанс Винтер? Или Эдмунд Вейл? Вот последнее... не хотелось бы. Все же вы очень красивая дама, и звать вас мужским именем не очень-то хотелось.

Я грациозно опустила в кресло. Чем расслабленнее выглядит обманщик, тем больше сомневается в своих словах обвинитель.

– Мне следует удивиться? – иронично приподняла одну бровь. – Все эти имена мне прекрасно знакомы. Или вы забыли? Я же владелица антикварного салона с картинной галерей. Некто Мист – вор. Специализируется на редких вещах. Он настолько неуловим, что люди подозревают, будто под этой личиной действует целая шайка. Могу вас разочаровать, Чарльз, никогда с загадочным Мистом я не пересекалась. Об Ангеле Ист-Энда не слышал только ленивый.

Аноним, делающий пожертвования. Констанс Винтер – за-
всегдашней аукционер. Большую часть времени предпочитает
проводить в уединенном имении. Ну а господин Вейл, на-
сколько я помню, поверенный Констанс Винтер.

– Все так, – вальяжно кивнул незванный гость. – И все эти
люди напрямую связаны с вами, ведь это ваши личины.

– Ну вы и фантазер, – скупно улыбнулась я. – Уж не думала,
что такой человек, как вы, тоже увлечется сомнительными
романчиками, которые в ходу у молодежи?

– Миссис Грейстон, миссис Грейстон, – с показной уко-
ризной покачал головой Хартфорд, – я не претендую на ва-
ши секреты. Но меня интересует услуга от вас.

– Услуга? – я откинулась на спинку кресла. – От скром-
ной владелицы галереи? Вам? Человеку, способному купить
даже самого мэра города?

– Вам это совсем не идет, – с улыбкой кота, почуявшего
мышку, протянул мужчина. – Какое грубое кокетство. Да и
льстить не обязательно. Хотя вы правы – могу. Но в этот раз
нужны именно вы.

Магия иллюзий очень коварна. Она, к примеру, не помо-
жет человеку исчезнуть, зато позволит «отвести глаза». Вот
и сейчас для Чарльза Хартфорда моя проекция продолжила
сидеть в кресле, но на самом деле я уже бесшумно поднялась
на ноги.

Визитер скользнул взглядом по креслу и, судя по его до-
вольной улыбке, вид его вполне устроил. Но потом его взгляд

резко сфокусировался, он чуть прищурился – и иллюзия дала трещину.

– Неплохо сработано, – он усмехнулся, не отрывая от меня пристального взгляда. Зато показная расслабленность Хартфорда сразу пропала. Он наконец-то встал с моей постели. Теперь еще и белье после него менять придется. – Почти удалось. Но я знал, что шел к магу-иллюзионисту. Вы правильно заметили, я могу купить практически все, в том числе и тайны человека. И именно вы мне нужны, потому что никто не учует другого афериста лучше, чем еще один аферист.

Мне все же удалось сохранить безупречное спокойствие, лишь чуть приподняла бровь, будто сама мысль о том, что меня могли поймать на трюке, казалась нелепой.

– Любопытная теория, – произнесла я холодно. – Вы считаете всех вокруг аферистами? Или это профессиональная деформация владельца столь солидного банка?

Хартфорд рассмеялся легко, лениво, с оттенком цинизма.

– О, отнюдь не всех, миссис Грейстон. Лишь тех, кто умеет играть в эти игры. А вы, судя по всему, виртуоз в этом деле. Признаюсь, я следил за вами уже некоторое время. Ваш салон «Позолоченная рама» привлекает внимание не только коллекционеров.

Я молча ждала продолжения, ничем не выдавая интереса. Интересно, а кто вообще знает, что этот самоуверенный человек пришел ко мне? И сколько людей хватятся, если он не вернется?

– Итак, – Хартфорд небрежно прислонился к каминной полке, – давайте будем откровенны. Вы обладаете определенными... талантами. Опасными. И ваше владение магией иллюзий – это только верхушка. Знаете, что самое страшное в вас, миссис Грейстон? Это ваш ум и изобретательность.

– Вы слишком много обо мне знаете, – заметила я сдержанно. Моя выдержка уже была на грани провала. Давно мне так не щекотали нервы. – Интересно, какие еще тайны вы успели раскопать?

– Достаточно, чтобы понимать, что вы – именно тот человек, который мне нужен, – он улыбнулся, но в улыбке не было теплоты. За показным безразличием прятался голодный хищник. – Речь идет о моей племяннице, Флоре Уинслоу. Она только что окончила обучение в пансионе Святой Маргариты – весьма респектабельное заведение, как вы понимаете.

Я величественно чуть кивнула в знак одобрения. Любой, кто захочет покопаться в моей биографии, увидит отметку об окончании похожего пансиона, хоть мне ни разу не довелось посетить стены столь уважаемого учебного заведения.

– И вот, едва вернувшись домой, она встречает некоего Хьюго Тонбера, – продолжил Хартфорд. – Молодой человек производит впечатление – безупречные манеры, изысканная речь, намек на аристократическое происхождение. Он уверяет, что владеет поместьем в Сейлье, где планирует устроить свадьбу. Через месяц.

– Свадьба? – я удивленно приподняла брови. Девочка только из одной тюрьмы, и сразу добровольно согласилась на другую? Куда смотрят ее родители? Я бы еще поняла, если бы семья была бедной, но племянница Хартфорда слово «нужда» знает исключительно из словаря.

– Именно, – Хартфорд фыркнул с откровенным цинизмом. – Флора буквально ослеплена им. Девочка провела три года в пансионе, где ее учили вышивать крестиком и правильно держать чашку во время чаепития. Теперь она считает, что встретила «великую любовь». Как будто все эти романтические бредни из дамских романов вдруг стали реальностью.

Он сделал паузу, провел рукой по волосам.

– Видите ли, миссис Грейстон, я знаю, как это работает. Юная девушка, только вырвавшаяся из-под опеки наставниц, встречает обходительного мужчину – и все, мозг отключается. Ей кажется, что это судьба, что она наконец-то свободна, что нашла свою половинку. А на деле – просто гормоны и отсутствие жизненного опыта.

Я снова вернулась в кресло. На этот раз по-настоящему, без иллюзий. И задумчиво постучала пальцами по подлокотнику

– И вы хотите, чтобы я выяснила правду? Поехала с вами и проверила, как хороши нервы у молодого афериста?

– Верно, – Хартфорд кивнул. – Вы поедете со мной как миссис Элизабет Грейстон, моя... скажем так, очень даль-

няя родственница. Интерес к антиквариату и старинным поместьям – ваше прикрытие. Поместье хоть и съемное, но обставлено неплохо. Вы сможете осмотреться, поговорить с людьми, использовать свои... особые таланты, чтобы вывести правду.

– Почему именно я? – мне решительно не нравилось, что гость не уговаривает, а ставит перед фактом. – Наймите обычного сыщика. Он вам информацию по этому Тонбери в зубах принес на следующий день.

– Потому что он будет искать улики, – лениво протянул Хартфорд. – А вы умеете видеть суть. К тому же, вы не связаны правилами. И, что немаловажно, вы не станете действовать открыто – это может ранить чувства Флоры. У нее и так сейчас все в розовом цвете... – он сделал паузу, – кто знает, что она выкинет, если ей сунуть правду под нос. Да и не факт, что поверит. Стану я дядей-злодеем, который лишает ее главной любви всей жизни. Пока обстоятельства требуют осторожности.

– Все равно не понимаю, – чуть нахмурила я брови. – Вы знаете, что он аферист. Я знаю, что он аферист. Что вы от меня хотите? Подтверждения или опровержения? И что вы будете делать с этой информацией? Флора вас все равно слушать не станет.

– Попробую выставить жениха в неблагоприятном свете... – начал Хартфорд, но после моего выразительного хмыка замолчал. Юная, впервые влюбившаяся девушка простит

жениху даже убийство дядюшки. – В общем, по ходу придумую. Несложно догадаться, что наш женишок торопится со свадьбой. Поэтому придется импровизировать. Вы же должны быть хороши в подобном.

Теперь-то мне стало понятно желание Хартфорда привлечь именно мою персону к решению своей проблемы.

– Не заставляйте меня хвастаться, – я небрежно повела плечом.

Интересно, как часто Чарльзу Хартфорду доводилось слышать слово «нет»? Все же человек его положения может доставить мне много неприятностей. С другой стороны, оказав столь незначительную услугу, как отдых на свежем воздухе, я могу получить что-то для себя. Незванный визитер прав, называя меня аферисткой, а такие люди сначала думают о выгоде, а уже затем оценивают последствия.

Хартфорд наблюдал за мной с снисходительностью, словно заранее знал ответ.

– Не переживайте за свою добродетель вдовы, – вдруг добавил он с ироничной усмешкой. Вот об этом я вообще не думала. Было бы за что волноваться. – С нами поедет моя невеста, мисс Перл Эйвери. Так что любые... двусмысленные ситуации исключены.

– Сочувствую мисс Эйвери, – я позволила себе легкую, холодную улыбку. – Судя по сплетням, да и ваш собственный характер вряд ли дает ей надежду на спокойную семейную жизнь.

Хартфорд на мгновение замер, затем громко рассмеялся:

– Остроумно, миссис Грейстон. Очень остроумно. Но уверяю вас, моя невеста прекрасно осведомлена о моих недостатках, и даже находит их... очаровательными.

Скорее всего очаровательным она находит его счет в банке, да и сам банк.

Наконец я медленно произнесла:

– Допустим, вы получили мое согласие. Но у меня есть условия, – голос звучал ровно, без намека на колебания. – Во-первых, полная свобода действий. Я сама выбираю методы. Во-вторых, вы не вмешиваетесь в мои действия, пока они не угрожают вашей безопасности. И в-третьих... – я сделала паузу, выдерживая его взгляд, – моя выгода. От вас мне нужен чек на сумму, которую назову. Побудете благодетелям для несколько сиротских домов. Ну и прикуплю себе новое постельное белье. Знаете, не люблю спать на простынях, где валялись прямо в обуви. Не переживайте, разорять вас не стану.

Хартфорд задумчиво покрутил перстень на пальце, улыбка чуть померкла – он явно не ожидал столь жестких условий. Подозреваю, что его смутило вовсе не мое требование о чеке. Не глупый все же человек, должен был понимать, к кому идет в гости. А вот терять контроль такие люди не любят. Пусть даже это иллюзия. Но после недолгой паузы кивнул:

– Разумные условия, – признал он. – Согласен. По рукам, миссис Грейстон?

Я кивнула холодно, с королевским достоинством:

– По рукам, Хартфорд. Но предупреждаю: если вы решите меня обмануть или рассказать кому-либо приватную информацию обо мне, никакие ваши навыки, связи и капиталы не помогут избежать последствий.

Он криво усмехнулся:

– Люблю начинать деловые соглашения с угроз. Когда вы будете готовы выезжать?

– Завтра на рассвете, – я поднялась во весь рост, теперь уже без иллюзий. – Не может же ваша дальняя родственница приехать с пустым саквояжем.

– Отлично, – Хартфорд направился к двери, но на пороге обернулся. – И, миссис Грейстон... больше никаких обманок насчет того, что вы сидите, когда на самом деле стоите. Это было... очаровательно, но бесполезно.

Я позволила себе едва заметную улыбку:

– Постараюсь запомнить, мистер Хартфорд. Постараюсь.

Рассвет едва коснулся оконных стекол, когда я распахнула дверцы гардероба и окинула критическим взглядом его содержимое. В голове крутились невеселые мысли о том, что придется отложить визит в особняк лорда Эшби, который скорее носил бы карательный характер, а не прибыльный. Потому что нечего было ударять мальчишку-разносчика за случайно опрокинутую корзину с яблоками.

Я тихонько вздохнула, вспоминая статуэтку Аэриты, богини процветания, которую он приобрел на прошлом аукци-

оне. У меня бы быстро нашелся покупатель на нее.

Дорожный костюм цвета темного изумруда идеально подойдет для того, чтобы произвести нужное впечатление на родственников жениха сразу. Я не бедная прихлебательница, а вполне состоятельная дама, с которой им придется считаться.

Аккуратно сложила несколько сменных блузок и пару практичных юбок в кожаный саквояж. Пальцы на мгновение замерли над шкатулкой с драгоценностями. Статус вдовы требовал сдержанности, а отведенная роль – блеска и показной роскоши. И все же бриллианты я отложила, выбрав более скромные топазы и рубины. В дороге вообще решила ограничиться ниткой жемчуга. Там половина уже давно заменена на поддельные. Главное, умение прятать дефекты так, чтобы люди думали, будто это достоинства.

Укладывая флаконы с ароматическими маслами и гребни для волос, мои губы сами растянулись в ироничной усмешке: зато какой великолепный повод пропустить прием у миссис Пенуорт! Я от облегчения готова... нет не расплакаться, а рассмеяться. Представляю, как она будет разочарована. В очередной раз приготовила бы мне партию из трех унылых джентльменов: разведенный баронет с долгами, стареющий дипломат с одышкой и какой-нибудь провинциальный сквайр, который краснеет при виде женской руки. Вечно пытается пристроить мне залежалый товар. Последний раз меня пытались свести с мистером Уиллоби, который, по словам

миссис Пенуорт, так любит орхидеи – почти так же сильно, как, возможно, полюбит меня.

В итоге саквояж я застегивала, откровенно похихикивая. Осталось только выдать указания управляющему, и со спокойной душой можно отправляться в небольшой отпуск.

– По крайней мере, в поместье Тонбера вряд ли будут устраивать смотрины женихов, – пробормотала я вслух, оглядывая комнату в поисках чего-то, что могла забыть. – По крайней мере, очень на это надеюсь.

Взгляд упал на портрет покойного мужа в золоченой раме. Эдвард, говорят, был хорошим человеком. Жалко, при его жизни познакомиться нам не удалось.

Интересно, а он бы посчитал попытку спасти девушку от ошибки благим делом?

Список указаний для управляющего я набросала за пару минут. В «Позолоченной раме» на ближайшую пару недель ничего грандиозного не планировалось. А с визитом четы Пертон он и без меня справится. Тем более, что муж в этом тандеме отлично знает две фразы, которые делают покупки мирным мероприятием: «Дорогая, мне все нравится» и «Конечно, покупаем».

В дверь деликатно постучали, отвлекая меня от тихой зависти к дрессировке мадам Перстон.

– Миссис Грейстон, экипаж подан, – донесся голос моего камердинера Лукаса.

Я в последний раз окинула взглядом комнату, поправила

шляпку с вуалью и взяла саквояж. Иногда не стоит противиться тому, что должно произойти. Кто знает, может, мне это принесет выгоду. Ну а если что, потребую у Хартфорда увеличить плату на стоимость годового запаса ромашкового чая. Буду лечить нервы после отдыха.

Глубоко вдохнув, я вышла из комнаты, готовая к новому приключению – пусть и не тому, что планировала вчера.

Хартфорд уже ждал возле экипажа. Надо признать, выглядел он весьма импозантно для столь раннего часа. Свежевыбритый, в безупречном дорожном костюме темно-серого цвета, с тростью в руке. Прямо образец достойного джентльмена.

– Доброе утро, миссис Грейстон, – Хартфорд учтиво склонил голову и сделал шаг ко мне. – Ваша пунктуальность похвальна.

– Я бы могла сказать, что заставляю ждать такого мужчину не рискнет ни одна дама, только лесть не входит в мой перечень услуг, – обманчиво нежная улыбка скрасила грубость.

– О, не стоит сводить все к коммерции, – он приподнял бровь. – Скорее, мы с вами скорее партнеры в этом деликатном деле.

– Партнеры, – повторила я задумчиво. – Звучит куда благороднее, чем «наемница». Хотя суть, полагаю, остается прежней.

Хартфорд усмехнулся, помогая мне забраться внутрь.

Я кивнула в знак приветствия несколько вольготно развалившейся на соседнем сиденье дамочке. Не хотелось мне признавать наличие вкуса у Хартфорда, но он есть. Привлекательная фигура с плавными, соблазнительными линиями, большая грудь, подчеркнутая корсажем из темно-бордового бархата, и лицо, словно работа искусного скульптура: высокие скулы, полные губы, и глаза цвета темного меда. Каштановые волосы были уложены в сложную прическу, несколько свободных локонов кокетливо обрамляли лицо.

– Миссис Грейстон, позвольте представить – леди Перл Эйвери, моя невеста, – произнес Хартфорд, устраиваясь рядом со мной.

– Очень рада знакомству, – я склонила голову, стараясь скрыть удивление. А вот не дам я и шанса Хартфорду наслаждаться моим недоумением. Все так и должно быть. Сесть со мной, когда в карете присутствует его невеста – самый лучший выбор.

А в душе медленно разгорался огонек азарта.

– О, и я безмерно рада, – Перл заговорила низким, бархатистым, почти эротичным голосом. У меня аж мурашки по коже побежали. Она слегка наклонилась вперед, и вырез ее платья приоткрыл еще больше соблазнительных деталей. – Чарльз так много рассказывал о вас. Признаться, я сторала от любопытства.

– Удивительно, что он нашел время для разговоров обо мне среди всех своих... дел, – я бросила быстрый взгляд на

Хартфорда.

– О, он говорил только самое превосходное, – Перл улыбнулась, обнажая ровные белые зубы. – Что вы обладаете редкой пронизательностью и... особым шармом.

– Как мило, что он запомнил, – я невозмутимо еле заметно улыбнулась. – Обычно столь... занятые мужчины запоминают лишь то, что им выгодно.

Хартфорд кашлянул, явно пытаясь скрыть улыбку.

– Миссис Грейстон преуменьшает свои достоинства, – заметил он. – Ее шарм – это, скорее, оружие. Очень острое оружие.

– Звучит угрожающе, – Перл прижала ладонь к груди. Да, в театре бы ей главные роли никогда бы не доставались. Уж больно переигрывает. – Но я уверена, что миссис Грейстон не станет применять его против нас. Верно?

– Зависит от обстоятельств, – небрежно пожала я плечами. – Если кто-то начнет действовать мне на нервы, я предпочитаю сразу дать понять, что это плохая идея.

Перл рассмеялась низким мелодичным смехом.

– Какая прямота! Мне нравится. В высшем обществе так редко встретишь откровенность. Обычно все ходят вокруг да около, будто боятся наступить на чей-то шлейф.

– Или на чью-то гордость, – добавила я. – Но иногда прямой путь – самый короткий.

– Вы, миссис Грейстон, явно предпочитаете краткие маршруты, – Хартфорд откинулся на спинку сиденья. –

Пусть они и экономят время, но иногда приводят к неожиданным препятствиям.

– Боящийся препятствий не должен вообще вставать на путь, – парировала я. – Без них было бы скучно. Это как есть овсянку на воде без молока, сахара и масла. Если одну порцию ты осилишь, то на следующий день от вида каши мутить будет.

Перл наблюдала за нашей пикировкой с явным интересом.

– Какая увлекательная беседа! – она хлопнула в ладоши. Даже мой взгляд против воли метнулся к ее груди, которая маняще колыхнулась. – Чувствую, что путешествие будет нескучным.

– Надеюсь, оно будет еще и результативным, – я поправила вуаль. – В конце концов, мы едем не ради удовольствия, а чтобы познакомиться с женихом очаровательной Флоры. Узнать его получше. Проникнуться его отношением к ней. Это наша обязанность, как старших родственников. Детям нельзя подрезать крылья, но нужно задавать направление полета.

– Разумеется, – Хартфорд несколько раз перекинул трость из руки в руку. – И давайте не забывать о главной цели.

– Ах, обязанности... Как же они мешают наслаждаться моментом! – вздохнула Перл, чуть надув губы.

– Зато придают смысл существованию, – я улыбнулась ей. – Без них жизнь превратилась бы в бесконечный бал, где все только и делают, что флиртуют и пьют шампанское.

– А разве это плохо? – дамочка приподняла бровь. Беру назад свои слова о вкусе Хартфорда. Выбрать в качестве будущей супруги одну из птичек полусвета – это весьма недальновидный поступок. С другой стороны, невеста не всегда становится женой.

– Для некоторых – идеал, – согласилась я. – Для людей с интеллектом – пытка.

Хартфорд покачал головой, явно забавляясь нашим обменом репликами. Только осуждал он нас умеренно, чтобы не сочли его занудой.

Экипаж тронулся, увозя нас к поместью Хьюго Тонбера. Я повернулась к окну, делая вид, что любуюсь утренними улицами и помятыми после сна лицами людей.

Кажется, наблюдать мне придется не только за женихом и его семьей, но и за этой парочкой. И самое поразительное – мне интересно. Давно уже не ощущала подобного.

ГЛАВА 2

Прошло уже несколько часов с момента отъезда. Пейзаж за окном сменился с городских улиц на зеленые холмы и редкие рощи. На удивление, в экипаже было мирно. Хартфорд шелестел бумагами, изучая отчеты. Перл периодически морщилась на шум, но продолжала любоваться видами. Я же занималась любимым делом – планировала следующий аукцион. А это столько мороки: кого позвать, что выставить, кого можно обдурить, как заработать на всем этом.

– Думаю, пора сделать остановку, – нарушил молчание Хартфорд, взглянув в окно. – Вижу впереди вывеску таверны. Предлагаю отобедать и дать лошадям передохнуть.

Я тоже решила выглянуть, но никаких опознавательных знаков не увидела. Видимо, сработал мужской инстинкт. Говорят, еще в древности мужчины могли по запаху дыма определить, где жарят мясо, а по силуэту на горизонте – где наливают. Эволюция не дремлет!

Перл томно вздохнула. Интересно, для кого она сейчас старается, ведь жених в ее сторону даже не смотрит.

– О, Чарльз, вы всегда думаете о лошадях больше, чем о людях! Я уже умираю от голода. И от скуки, признаться.

– Обещаю, что в следующий раз я буду думать исключительно о вас, – с легкой иронией отозвался Хартфорд. Но

улыбка при этом была холодной. Словно намекая невесте, что не так она и дорога в своем статусе. – Миссис Грейстон, вы не против небольшой передышки?

– Напротив, – я слегка наклонила голову. Любой аферист знает, что придерживаться своего выбранного образа нужно до конца в любой ситуации. – Прогулка пойдет на пользу. Да и любопытно взглянуть, чем кормят в здешних краях. Возможно, найду рецепт, достойный моего повара. Или хотя бы достойный того, чтобы больше никогда его не пробовать.

Таверна оказалась скромным заведением с покосившейся вывеской «У дороги». Внутри царил уютный хаос: деревянные столы, засаленные скамьи, дым от трубок и аромат чего-то жареного, отдаленно напоминающего мясо.

Мы заняли стол в углу, подальше от воняющей с кухни.

К нам вперевалочку подошел сам хозяин: плотный мужчина с красным лицом и фартуком, который видел лучшие дни лет десять назад.

– Чего изволите? – пробасил он, вытирая руки о фартук, оставляя кровавые следы. Надеюсь, это были не предыдущие привередливые посетители. – Есть жаркое из кролика, тушеная капуста и пирог с чем-то... в общем, с начинкой. И эль, само собой. Вот эль у нас отменный.

Хартфорд поморщился, но сдержался:

– Пожалуй, жаркое и эль.

– То же самое, – неожиданно для себя произнесла я, поймав удивленный взгляд Хартфорда.

– Вы уверены, миссис Грейстон? – уточнил он, забавно поигрывая бровями. – Может, что-то более изысканное?

– Здесь изысканность может выйти боком, – парировала я. – Не люблю, когда мне в блюдо плюют. Предпочитаю соль и перец в качестве приправ.

Но Перл мое завуалированное предупреждение не впечатлило. Она капризно надула губы и манерно протянуло:

– А мне что-нибудь легкое. Салат из свежих овощей, запеченную рыбу и бокал шампанского.

Билл почесал затылок. Не привык он угощать утонченных дамочек.

– С овощами нынче туго. Капуста есть. Свежая, вчера с грядки, еле у козла отобрали. Рыбы тоже нет, зато кролик – первый сорт, сам ловил. А шампанское... э-э-э... у нас только эль. Зато крепкий – с одного стакана ноги сами в пляс идут.

Перл озадаченно посмотрела по сторонам, словно только что осознав, что мы в кабаке, а не в ресторане:

– Хорошо, тогда просто капустный салат без всего и... и... – она беспомощно посмотрела на Хартфорда, словно он мог достать шампанское из рукава.

– Принесите даме то же, что и нам, – обреченно вздохнул он. – И постарайтесь, чтобы кролик не убежал со тарелки.

Хозяин хохотнул и отправился на кухню. Надеюсь, козел не очень пострадал в битве за капусту.

Со стороны мы, наверное, выглядели весьма странно. И

дело даже не в дорогих одеждах. Просто Хартфорд с интересом наблюдал за мной, меня же больше занимала реакция Перл, а она просто удивленно осматривала помещение таверны.

Мы даже заскучать не успели, как нам подали дымящиеся тарелки. Хартфорд с сомнением поковырял вилкой мясо и выдал недовольный вердикт:

– Выглядит аутентично.

– Раз аутентичное, значит, подлинное, – заметила я, отправляя в рот кусочек. – А подлинность, как известно, не всегда красива, но зато честна. Это я как эксперт по искусству говорю.

– Звучит, как девиз мошенника, – усмехнулся Хартфорд, пробуя жаркое. – Хотя... недурно. Вполне недурно!

– Согласна, – я выразительно обвела взглядом нашу маленькую компанию. – Не стоит судить о кухне по вывеске. Это и людей касается.

Пока мы неспешно доедали жаркое, а Перл с гордым видом хрустела капустой, дверь таверны с грохотом распахнулась, и внутрь ввалилась компания из пятерых молодых людей. Явно отпрыски богатых семей, решивших «познать жизнь» за пределами своих благоустроенных особняков. Они громко хохотали, толкались и хлопали друг друга по спинам.

– Эй, хозяин! Эля! И побольше! – выкрикнул самый бойкий, в расшитом жилете, и с нелепо закрученными усами.

Сейчас мне очень по-стариковски хочется поворчать о молодежной нелепой моде. Хорошо еще, Чарльз Хартфорд не следует новым веяньям укладывать волосы таким количеством воска, что, кажется, будто человека облизал гигантский кот.

Они заняли стол неподалеку. Шум они создавали, словно человек двадцать. Возможно, с выпивших глаз им казалось, будто говорят негромко, но мы отлично слышали каждую реплику. Через пару минут до нас донесся их разговор:

– Спорим, я поцелую ту милашку в вуали? – заявил усатый молодец, кивая в мою сторону. – Приз – завтрашний ужин за счет всех!

Его приятели загоготали:

– Да ты сдурел, Томми! Видал, кто с ней сидит? Этот тип взглядом лошадей валит!

– А я не боюсь! – Томми хлопнул себя по груди. Алкоголь уже придал ему видимость бессмертия, сбагренное дуростью. – Сейчас покажу, на что способны настоящие мужчины!

Перл возмущенно фыркнула и возмущенно прошипела:

– Как невежливо! Почему никто не спорит, что поцелует меня?

Хартфорд лишь приподнял бровь, с ленивым интересом наблюдая за развитием событий. Меня же градус абсурдности происходящего только веселил.

Томми, расправив совершенно невыразительные плечи и выпятив несуществующую грудь, направился к нашему сто-

лу. За его приближением, задержав дыхание, следили друзья и мы. Интересно же, дойдет или зацепится ногой за ногу?

Остановившись передо мной, он попытался принять величественную позу, выставив вперед ногу, но пошатнулся и чуть не потерял равновесие.

– Красавица, – провозгласил он, слегка икнув, – я здесь, чтобы осчастливить вас поцелуем!

Я медленно окинула его взглядом с головы до ног и иронично произнесла:

– Какая щедрость! Но, молодой человек, боюсь, я не могу принять столь драгоценный дар. Видите ли, я придерживаюсь правила: не принимать подарки от незнакомцев, особенно, если эти подарки могут вызвать насморк или угрызения совести. Но лесть я вам все же засчитаю.

Компания у соседнего стола взорвалась хохотом. Томми растерялся и покраснел:

– Но я же... я же самый смелый здесь!

– О, в смелости вам не откажешь, – согласилась я. – Но мудрость, увы, пока отстаёт. Впрочем, есть способ исправить ситуацию.

Хартфорд, до этого момента сохранявший невозмутимость, вдруг вмешался:

– Юноша, – его голос прозвучал неожиданно твердо с нотками нравоучений, – если вам так уж необходимо продемонстрировать отвагу, предлагаю альтернативу. Поцелуйте мою руку – если, конечно, рискнете подойти ближе.

Томми замер, явно оценивая шансы. Хартфорд смотрел на него спокойно, но в глазах читалась сталь.

– Ну же, – подначил Хартфорд. – Или ваша смелость распространяется только на беззащитных дам?

Молодой человек побледнел, потом покраснел еще сильнее. Он перевел взгляд с Хартфорда на меня, потом на своих друзей, которые теперь замерли, ожидая, то ли дело кончится трепкой Томми и им придется вмешаться, то ли конфузом друга и они поржут над этим.

– Я... я просто пошутил, – пробормотал он. – Ничего личного, мэ. Прошу прощения.

Он отступил на шаг, потом еще один, а затем поспешно ретировался к своим приятелям под их улюлюканье.

– И это все? – Перл разочарованно вздохнула. – Какая скука! Надо было ему пинка дать.

Хартфорд усмехнулся, внимательно разглядывая меня:

– Видите, миссис Грейстон, даже в придорожной таверне вы притягиваете внимание.

– Видимо, это проклятие всех вдов, – я с невозмутимым видом поправила вуаль. – Нас либо жалеют, либо пытаются покорить. Ни то, ни другое не впечатляет.

– Зато впечатляет ваша выдержка, – заметил Хартфорд. – Я бы, признаться, не удержался от более резкого ответа.

– Резкость – оружие слабых, – философски протянула я. Так сказал мой наставник, когда один из дворовых мальчишек дернул меня за косу, а я обозвала его дураком. – А иро-

ния – оружие утонченных. К тому же, бедный мальчик наверняка завтра проснется с ужасной головной болью и без ужина. Судьба и так его наказала.

Перл покачала головой:

– Вы оба такие загадочные. И одновременно занудные. Я бы на месте того юноши все равно вас испугалась.

– Это комплимент? – уточнила я с усмешкой.

– Пожалуй, да, – улыбнулась она впервые искренне.

Таверна снова наполнилась обычным гулом, а компания молодых повес, поумерив пыл, теперь обсуждала что-то вполголоса, бросая на нас осторожные взгляды.

Я откинулась на спинку стула, довольная тем, как разрешилась ситуация. Похоже, путешествие и правда обещает быть нескучным. Надо признать, пока мне видятся только плюсы в странном предложении Хартфорда не допустить свадьбы его племянницы.

Следующие несколько часов пути разнообразия не внесли. Хартфорд читал бумаги, я делала заметки в небольшой записной книжке, Перл пыталась найти что-то интересное за окном кареты. Внезапно она всплеснула руками.

– Остановите! Остановите немедленно! – воскликнула она, указывая в окно. – Посмотрите на это поле! Оно просто усыпано цветами! Я хочу собрать букет – это будет так романтично!

– Романтично, безусловно, – я едва сдержала ироничную усмешку. Такие выкрики ее чувственным низким голосом

вызывают легкий диссонанс восприятия. Наверное, мужчины находят что-то милое в капризном ребячестве. Правда, никогда бы не подумала, что Чарльз Хартфорд мог клюнуть на подобное. – Особенно, если учесть, что через час эти цветы завянут, а вы будете жаловаться на колючки и пыльцу.

Счастливый жених резко выпрямился, костяшки его пальцев, сжимавших трость, побелели. Он явно с трудом подавлял готовый сорваться с губ резкий отказ. От меня не укрылся его быстрый взгляд в мою сторону. Действительно, аферист всегда учует конкурента поблизости. Что-то не так с этой парочкой. Не исключу, что Хартфорд, как любитель заключать сделки, и тут нашел невесту на договорной основе.

– Перл, – голос Хартфорда прозвучал натянуто, почти сквозь зубы, – мы и так теряем время. Нас ждут хотя бы к ужину, а дорога еще долгая.

– Но милый! – она надула губы, похлопала ресницами и сложила руки в умоляющем жесте. Меня передернуло сначала от обращения, затем от жеста. И не меня одну. – Всего несколько минут! Разве я многого прошу? Вы же обещали быть более внимательными к моим желаниям.

В карете повила тяжелая тишина.

– Хорошо, – выдавил счастливый жених наконец. И это «хорошо» прозвучало так, будто ему пришлось проглотить лимон целиком. – Останови здесь, – бросил он кучеру, стараясь не смотреть с сторону Перл. Видимо, переживает, как бы не свернуть невесте шею раньше времени.

Экипаж замер у обочины. Перл, подхватив подол платья, с восторженным визгом бросилась в поле, где колыхались белые ромашки, синие васильки и желтые лютики, словно цветочное море. Изображение будто просилось на полотно какого-нибудь известного художника.

Мы с Хартфордом, как менее восторженные и романтические особы, остались у дороги. Он нервно постукивал тростью по земле, потом резко сунул ее под мышку и провел рукой по волосам.

– Моя сестра Амелия, мать Флоры, – начал он негромко, стараясь отвлечься от раздражения, – такая же мечтательница. Вдова уже пять лет, но до сих пор витает в облаках. Когда Флора рассказала о помолвке, она только прослезилась от умиления, и благословила дочь. Ни единого вопроса о происхождении этого Тонбера, ни слова сомнения.

– И вы решили взять дело в свои руки, – покивала я.

– У кого-то же должен быть здравый смысл в этой семье, – Хартфорд усмехнулся, но улыбка вышла кривой. – Есть еще младшая – Эдвина, ей двенадцать. Вот она характером в меня. Сразу заявила, что этот Тонбер – слизняк.

– «Слизняк» – весьма емкое определение, – заметила я с легкой улыбкой. – Дети часто видят суть без всех этих социальных фильтров и приличий.

– Да, – неожиданно мягким тоном сказал мужчина. – Эдвина вообще не похожа на сестру. Прямолинейная, любопытная, вечно сует нос, куда не просят, и при этом удивит-

тельно наблюдательная. Она первая из семьи поинтересовалась у женишка размером его счета, и посоветовала в следующий раз сразу нести выписки о накоплениях и собственности.

Действительно, маленькая копия любимого дядюшки.

– Семейное сходство очевидно, – тонко намекнула я.

– Боюсь, это единственное, что она от меня унаследовала, – Хартфорд покачал головой. – Амелия же... Она и сама как ребенок. Верит в сказки, в любовь с первого взгляда, в благородство незнакомцев. Боюсь, если я прямо скажу ей, что подозреваю Тонбера в мошенничестве, она просто не поверит. Или хуже того – устроит истерику со слезами по поводу моей черствости и сухости. А я не люблю, когда меня обвиняют в очевидных вещах.

– Значит, нам нужно найти неопровержимые доказательства, – я задумчиво посмотрела на Перл, которая, стоя на коленях, рвала цветы с энтузиазмом, достойным лучшего применения. – Или, что еще лучше, заставить его выдать себя.

– Именно, – Хартфорд с какой-то удовлетворенности в голосе кивнул. – Вы понимаете суть дела лучше многих.

В этот момент он бросил взгляд на поле и раздраженно выдохнул. Подняв взгляд к небу, он раздраженно пожаловался кому-то свыше:

– Похоже, мисс Эйвери решила собрать все поле целиком. Мы тут до ночи простоим. Женщины любят портить любой идеально выстроенный план из-за идиотских желаний.

Это был неприкрытый вуалью слов вызов. Я в ответ лишь усмехнулась. С десяток ярких бабочек взметнулся из травы и устремился к Перл. Раз Чарльз обвиняет всех женщин, то и ответ ему будет красивым и изящным.

Она заметила их краем глаза, обернулась – и тут же пронзительно завизжала:

– А-а-а! Спасите!

Бабочки, разумеется, были безобидны, и даже не собирались садиться на нее, ведь иллюзия разрушится от прикосновения, но Перл об этом никто не предупредил же. С диким визгом она вскочила на ноги, прижимая к груди полусобраный букет, и бросилась к карете, спотыкаясь о кочки.

Хартфорд удивленно приподнял бровь, затем уважительно склонил голову в мою сторону:

– Впечатляюще. И весьма действенно. Признаться, я удивлен.

– Рада, что маленькие шалости иллюзиониста могут вас еще удивить, мистер Хартфорд, – скромно опустила глаза я. – К тому же, это сэкономило нам время.

– Эти ужасные бабочки! Они хотели меня съесть! – Перл, запыхавшаяся и раскрасневшаяся, уже забиралась в экипаж.

– Вероятно, приняли вас за цветок, – невинно заметила я, устраиваясь рядом. Теперь я точно уверена, что невеста липовая. Чарльз от моей выходки получил не меньше наслаждения. – Такое бывает.

Хартфорд криво усмехнулся и отдал команду кучеру:

– Поехали. И постарайтесь не сбивать бабочек по дороге – они, оказывается, мстительны. Могут преследовать нас из-за сорванных цветов.

Перл обиженно поджала губы, но промолчала, осторожно отряхивая платье. Карета тронулась, оставляя позади цветущее поле и стайку иллюзорных бабочек, кружащих над цветами. Никто и не заметил, как насекомые рассыпались искрами.

Дорога постепенно сужалась, и экипаж свернул в густой лес. Ветви деревьев нависали над тропой, создавая сумрачный туннель. Перл, до этого момента щебетавшая о каком-то светском рауте, вдруг замолкла и нервно вцепилась в подлокотники.

– Как-то тут мрачновато, – пробормотала она. С ее глубоким голосом это прозвучало весьма зловеще.

Я уже открыла рот, чтобы намекнуть Перл, что не стоит накалять обстановку, как из чаши выскочила группа мужчин с недобрыми намерениями, выраженными дубинками, ножами и даже ржавой пикой. И вряд ли они принесли оружие нам в дар.

– Стоять! Кошельки на бочку, да поживее! – проревел главарь. Его всегда можно опознать среди товарищей по кружевам. У остальных – лохмотья, а у него – кружева.

Кучер натянул вожжи, экипаж замер. Перл пискнула и вжалась в угол, а я незаметно сняла перчатки, аккуратно сложила их на сиденье и чуть приподняла подол юбки. Нет, это

не готовность сдаться бандитам, так проще достать стилет, закрепленный на бедре. Девушки любят хранить неожиданные вещи в неожиданных местах.

Хартфорд, напротив, остался невозмутим. Он неторопливым и эффектным жестом сделал из трости шпагу, вытащив лезвие, спрятанное внутри.

– Милые дамы, – произнес он с легкой улыбкой, будто мы на балу, а не в лесу в окружении бандитов. Хотя, наверное, бандиты в плане общения будут поприятнее, чем светское общество, – прошу вас побереечь нервы и не выходить из кареты. Эти джентльмены не стоят вашего внимания.

– Какое самомнение, мистер Хартфорд, – я в легком восхищении приподняла бровь. – Какое безрассудство. Вы что, собираетесь в одиночку расправиться с дюжиной вооруженных людей?

– Мне льстит, что вы, миссис Грейстон, увидели во мне эти качества, но нет, – он слегка поклонился. – На меня всегда работают только профессионалы своего дела.

Снаружи началась суматоха. Причем суeta была в стане бандитов. Кучер гонял их с помощью хлыста, а его помощник точными ударами ронял на землю тех, кто пытался подобраться поближе.

Явление Харфорда со шпагой бандитами с радостью воспринято не было.

Но пока мужчины разбирались с основной группой, парочка разбойников бросились к карете, наивно посчитав нас

более легкой добычей. Один распахнул дверцу и вцепился в руку Перл, пытаясь вытащить ее наружу.

– Ай! – взвизгнула она. – Не смей меня трогать руками, грубиян!

Я про себя усмехнулась: если бы он трогал ногами, было бы хуже.

Недолго думая, Перл со всей силы пнула его в грудь – да так, что тот отлетел прямо в куст ежевики.

– У-у-у! – донеслось из куста. – Дамочка, вы что, копытом брыкаетесь?!

Второй разбойник, запрыгнувший в карету через дверь с другой стороны, получил от меня сложенными перчатками по лбу – не сильно, но неожиданно.

– Молодой человек, – холодно произнесла я, ведь дезориентация противника – залог победы в драке, – в приличном обществе сначала стучатся. А потом спрашивают разрешения войти.

Он на мгновение опешил, а я, не теряя времени, ловко подцепила его рукав стилетом и слегка потянула так, что он потерял равновесие и вывалился наружу.

– Следующий раз, – добавила я, – стучите три раза. Первый – для вежливости, второй – для смелости, третий – для удачи.

Тем временем снаружи дело шло к развязке. Кучер ловко опутал кнутом ноги двоих разбойников, его помощник прижал третьего к дереву, а Хартфорд изящно обезоружил гла-

варя, подцепив шпагой его шляпу и отбросив ее в кусты.

Я, спрятав стилет обратно под юбку, окинула взглядом поверженных разбойников и иронично заметила:

– Для лесных грабителей они слишком хорошо выглядят, вы не находите, мистер Хартфорд? Или они специально ради нас побрились и сходили к парикмахеру? Да и рубашечки, смотрю, у них чистые, хоть и потрепанные. Или правильной сказать – специально потрепанные?

Чарльз склонился над побледневшим главарем:

– Слышал, что сказала умная дама? – произнес Хартфорд с нотками доброжелательности в голосе. – Расскажешь, кто вас нанял напасть именно на эту карету? Или мы вас привяжем к дереву и забудем, где.

– Надо только выбрать, чтобы рядом был большой муравейник, – с легкой улыбкой посоветовала я.

Главарь сглотнул, покосился на меня и поспешно закивал:

– Ладно, ваша взяла. Нам заплатили... заплатили, чтобы остановить экипаж, идущий в поместье Тонбера. Сказали, что в нем едет важная птица. Больше ничего не знаю, честное слово!

– Я не спрашивал тебя очевидные вещи, – раздраженно цыкнул Чарльз. – Меня интересует имя заказчика.

– Но... – главарь затравленно посмотрел почему-то на меня, – я его не знаю. Мужик в плаще. Сказал, чтобы мы не просто задержали экипаж, а похитили вас. Подержали бы под замком пару недель и отпустили. За это нам обещали

саквояж золота!

Мы с Хартфордом многозначительно переглянулись. Кажется, кто-то очень не хочет, чтобы любимый дядюшка познакомился с женихом племянницы до свадьбы. И, думаю, кандидатура у нас одна.

Экипаж тронулся, оставляя позади лес, кусты ежевики и смутные подозрения. Я откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как адреналин постепенно отпускает. Похоже, все веселье только начинается.

ГЛАВА 3

К вечеру деревья по краям дороги стали реже, и перед нами открылось внушительное поместье: трехэтажный особняк с колоннами, террасами и ухоженными садами. Было в нем что-то показное: слишком яркие цветы у входа, слишком блестящие ручки на дверях, слишком услужливые лакеи у ступеней. словно владельцы всеми силами пытались доказать, что деньги у них водятся. Зачастую это как раз бывает наоборот.

Экипаж медленно подкатил к парадному входу. Кучер открыл дверцу. Хартфорд неожиданно взглядом указал на выход Перл, придерживая меня на месте. Я молча вскинула брови, но пояснений не дождалась. Этот невозможный мужчина определенно играет в какую-то свою игру.

Перл сделала пару шагов, чуть покачивая бедрами, и замерла у подножия лестницы, ослепительно улыбаясь. Наш выход из кареты был не таким эффектным.

У ступеней уже ждали четверо. Хьюго Тонбера я опознала сразу же. Он был высок и строен, с безупречной осанкой и лицом, словно сошедшим с портрета романтического героя: правильные черты, темные глаза, обрамленные густыми ресницами, и легкая обезоруживающая улыбка. Именно такой типаж мог бы вскружить голову выпускнице пансиона. Лич-

но для меня он выглядел хорошенькой картинкой, но ничего существенного из себя не представлял. Ни характера, ни стати, ни ума, ни харизмы. Когда его взгляд упал на Перл, улыбка на мгновение застыла, а глаза расширились. Да, она определенно умеет произвести впечатление.

Рядом с Хьюго стояли двое постарше. Женщина с острым подбородком и цепким взглядом мгновенно оценила наряд Перл, и чуть поджала губы, заметив его дороговизну. Мужчина рядом с ней, плотный, с тяжелым взглядом и аккуратно подстриженными бакенбардами, не сводил глаз с Хартфорда. В его взгляде читалось неприкрытое восхищение пополам с расчетом, словно он уже прикидывал, сколько он получит от потенциального родственника денег.

Чуть поодаль стоял еще один мужчина, примерно возраста Хартфорда, сухощавый, с ироничным прищуром и тростью с серебряным набалдашником. Его взгляд скользнул по Хартфорду и задержался на мне. Точнее, на нитке жемчуга у меня на шее. Он чуть приподнял бровь, будто оценивая, и слегка поклонился. То есть меня сочли платежеспособной?

Разочарование тем, что мы все же до них добрались, на лицах хозяев не было. Или они его тщательно скрывали.

– Добро пожаловать! – просиял мистер Тонбер-старший, почти подбегая к Чарльзу. – Какое счастье, что вы наконец прибыли! Мы так ждали этого дня! Позвольте выразить глубочайшее почтение!

Хартфорд принял поклон с видом монарха, снисходящего

до подданного:

– Благодарю, – произнес он холодно, чуть растягивая слова. – Надеюсь, ваш дом столь же гостеприимен, как и ваши слова.

Его высокомерный тон заставил мистера Тонбера слегка съежиться, но он тут же собрался и рассыпался в любезностях:

– О, безусловно, безусловно! Все лучшее – для вас!

Хартфорд небрежно махнул рукой:

– Моя невеста, мисс Перл Эйвери. И моя дальняя родственница, миссис Элизабет Грейстон.

Перл одарила хозяев лучезарной улыбкой:

– Очень рада с вами познакомиться!

Ее голос заставил встречающих вздрогнуть, а Хьюго вообще стал походить на щенка, увидевшего сладкую косточку.

Я же ограничилась сдержанным кивком. Поскольку семейство еще не решило, как следует относиться к женщине со статусом «дальняя родственница», в ответ мне тоже аккуратно покивали.

Стоящий в стороне мужчина оказался дядей Хьюго. Он сходу предложил называть его Эдвардом. Мол, иначе можно запутаться в мистерах Тонбери.

Мы вошли в холл и мое первое впечатление подтвердилось. Вся эта роскошь выглядела, как заплатка из шелка на одежде бродяги. Колонны, казалось, вот-вот раскрошатся, позолота на лепнине местами облупилась, а портреты пред-

ков висели чуть криво, будто их вешали в спешке. Паркет под ногами слегка поскрипывал, а люстра, хоть и хрустальная, явно не первой свежести: несколько подвесок отсутствовали, их заменили стекляшки, которые заметно отличались по оттенку.

– Прошу, прошу! – засуетился мистер Тонбер, указывая на лестницу. – Ужин подадут в малой столовой, она более уютная, чем парадная.

Какое чудное определение – «более уютная». То есть меньше и дешевле.

– О, как мило, – сладко пропела Перл, активно изображая восторг. Играла она, к слову, без вдохновения. – Обожаю уютные помещения!

Хьюго, все еще слегка ошеломленный, попытался вернуть себе солидный вид:

– Да-да, добро пожаловать! Мы... мы так рады вас видеть.

– О, мистер Тонбер, вы так любезны! – Перл кокетливо опустила ресницы. – Я уверена, что мы станем прекрасными друзьями.

Дядя Хьюго наконец прекратил ощупывать меня взглядом и учтиво поклонился:

– Мистер Хартфорд, какое удовольствие видеть вас в наших краях. Мы сделаем все, чтобы ваше пребывание здесь оказалось приятным.

– Надеюсь, – холодно отозвался Хартфорд. – Хотя первые впечатления не всегда бывают правдивыми.

Эдвард слегка поморщился, но тут же вернул на лицо любезную маску.

– Вы же устали с дороги, – засуетилась миссис Тонбер. – Предлагаю сначала немного отдохнуть и освежиться, а затем встретиться на ужине.

Как занятно вышло. Провожать Перл до комнаты вызвалась Хьюго, за ними увязалась матушка, явно с целью проконтролировать сыночку. Хартфорда конвоировали до покоев сразу оба старших Тонбера. А мне досталась обычная служанка. Просто прелестно. Люблю, когда люди меня недооценивают – им потом это всегда боком выходит. Вот и сейчас они мне сами буквально вручили ключик от их прикрытия.

Худенькая девушка с веснушчатым носом и испуганными глазами почтительно склонила голову:

– Прошу за мной, миссис Грейстон. Я провожу вас в ваши покои.

Мы двинулись по коридору. Я невольно замедлила шаг, разглядывая «роскошное» убранство. На стене висела картина в золоченой раме – явно подделка, мазок слишком грубый, краски слишком яркие. Будто кто-то быстро скопировал пейзаж, пока оригинал пылился в запаснике.

– Очаровательный пейзаж, – заметила я, скрывая улыбку. Пускай девушка думает, будто я действительно восхищаюсь, а не иронизирую. – Кажется, это эртузианский мастер?

Горничная замерла, сглотнула:

– Д-да, мэ. Очень известный. Э-э-э... месье Дюронс.

– Дюронс? – я изобразила восхищение. – Ах, конечно! Как же я сразу не узнала манеру Дюронса. Особенно вот этот куст. Такой выразительный куст.

Девушка нервно улыбнулась, не понимая, серьезно я или нет, и поспешила дальше. Вот бы удивился мастер портрета, когда кто-то похвалил куст на его картине.

За поворотом обнаружилась трещина в стене, заботливо замазанная чем-то бежевым, но все равно заметная. Рядом висел гобелен, явно повешенный специально, чтобы прикрыть изъян.

– Какое удачное расположение гобелена, – мой одобри- тельный кивок был призван скрыть от доверчивой служан- ки ехидную усмешку. – Так гармонично дополняет компо- зицию.

– Д-да, мэм, – забормотала горничная. – Хозяин лич- но выбирал место. Говорит, так лучше всего подчеркивает стиль эпохи.

– Эпохи трещин? – не удержалась я, но тут же поправи- лась: – Простите, просто шутка.

Девушка бросила на меня косой взгляд, явно не зная, как реагировать.

Мы поднялись по лестнице. Паркет под ногами слегка по- скрипывал, а перила чуть шатались. На площадке стоял мраморный бюст. Но все портил отколотый кусочек в углу. Мрамор тут же превратился в покрашенный гипс.

– Восхитительная работа, – мне уже надоело восторгаться

подделками, но до покоев мы все еще не дошли. – Должно быть, античный оригинал?

– О, да, мэм! – с облегчением подхватила горничная, радуясь, что тема сменилась. – Говорят, привезли из самой Румании. Еще прадед мистера Тонбера... э-э-э... приобрел его на аукционе.

– На аукционе? – я задумчиво постучала пальцем по губам. – Наверняка, это был какой-то закрытый аукцион. Для избранных.

– Да, мэм, именно так! – девушка закивала с таким рвением, что чуть не потеряла равновесие.

Наконец мы подошли к двери моей комнаты. Горничная открыла ее и сделала приглашающий жест:

– Вот ваши покои, мэм. Надеюсь, вам будет удобно.

Комната оказалась показательной. Кровать с балдахинном, но ткань выцвела и местами протерлась. Пафосный комод из «красного дерева» с отклеившимся местами шпоном обнажал дешевую сосну. На столике стояла красивая ваза. Особый шик в ней представлял едва заметный скол, замазанным воском.

Я подошла к окну и выглянула во двор.

– А поместье, – небрежно бросила я, – давно ли оно принадлежит семье Тонберов?

– О, уже много лет, мэм, – горничная как-то дергано рассмеялась. – Несколько поколений.

Странно, со стороны дом выглядит так, будто его обжива-

ли в спешке.

– И все это время они его так искусно обновляют, – я обернулась и улыбнулась. – Знаете, у меня создается впечатление, что здесь каждый предмет имеет свою маленькую тайну.

Девушка покраснела и неловко переступила с ноги на ногу.

– Я... я просто хотела убедиться, что вам все нравится, мэм.

– О, все прекрасно, – я похлопала ее по руке. – И вы очень любезны. Просто иногда мне кажется, что этот дом как актер на сцене: играет роль роскошного особняка, а за кулисами – обычный реквизит.

Горничная нервно хихикнула, явно не зная, можно ли смеяться над такими словами.

– Если вам что-то понадобится, мэм, – пролепетала она, – просто позвоните в колокольчик.

Когда дверь за горничной закрылась, я усмехнулась и подошла к зеркалу, любуясь якобы позолоченной рамой. Что ж, кажется, я попала в очень интересное место. И очень нечестное. Я бы даже сказала, что это поместье и есть главный аферист.

Освежиться после долгого пути действительно приятно. Здесь зеркало было честнее и выглядело слегка потускневшим, будто его не протирали как следует уже несколько недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.